

Геннадий Рязанцев

Память собирает народное сознание¹

*История не учительница, а надзирательница.
Она ничего не учит, никого не учит, она
только наказывает за незнание уроков.*
В. О. Ключевский

*Как бы нам петь Божьи песни и расти
на наших полях Божьи цветы...*
Ив. Ильин

24 января 1882 года на банкете в петербургском ресторане Бореля за здоровье государя-императора поднял тост генерал М. Д. Скобелев: «Опыт последних лет убедил нас, что если русский человек случайно вспомнит, что он благодаря своей истории всё-таки принадлежит к народу великому и сильному, если, Боже сохрани, тот же русский человек случайно вспомнит, что русский народ составляет одну семью с племенем славянским, ныне терзаемым и попираемым, тогда в среде доморожденных и заграничных иноплеменников поднимаются вопли негодования... Господа, престранное дело: почему нашим обществом и отдельными людьми овладевает какая-то странная робость, когда мы коснёмся вопроса, для русского сердца вполне законного, являющегося естественным результатом всей нашей тысячелетней истории? Причин к этому очень много... но одна из главных — та прискорбная рознь, которая существует между известной частью общества, так называемой нашей интеллигенцией, и русским народом. Всякий раз, когда державный хозяин русской земли обращался к своему народу, народ оказывался на высоте своего призвания и исторических потребностей минуты; с интеллигенцией же не всегда бывало то же — и если в трудные минуты кто-либо банкрутился перед царём, то, конечно, та же интеллигенция. Полагаю, что это явление вполне объяснимое: космополитический европеизм не есть источник силы и может быть лишь признаком слабости. Силы не может быть вне народа, и сама интеллигенция есть сила только в неразрывной связи с народом».

Интеллигенция не могла стать заменой аристократии в России, служившей Отечеству и на-

роду. У возникшей прослойки общества — интеллигенции — не было послушания высшим идеалам. Отсутствовало признание божественного авторитета. Она слишком верила в человека и его разум, совершенно забывая о его падшей природе. Это состояние собственной гордыни и обожествление личных возможностей привели интеллигенцию к нигилизму. Она поставила себя на место Бога, сотворив себя мерилем всех ценностей. «Блаженны нищие духом», — запоешь блаженства из Нагорной проповеди Христа никогда не могла быть понята интеллигенцией. Она всегда иронично, с притворным сожалением, комментировала: «Не все же могут быть нищими духом».

Это состояние человеческой гордыни называется «непроницаемостью эгоизма», по остроумному замечанию протоиерея Георгия Флоровского.

Путь интеллигенции трагичен и во времени, и в вечности. Наиболее полно это выразилось в русской жизни конца девятнадцатого — начала двадцатого веков, в так называемый Серебряный век русской поэзии. Когда она, совершенно забыв почти тысячелетний опыт православной церкви, давшей народу язык и ставшей основой культурной традиции России, пустилась в поиски нового «харизматического» возрождения и новой социальной жизни, смешав эти две реальности. И получилась «новая» жизнь с новыми «проповедниками-апостолами» — «Двенадцать» Блока, и во главе этой жизни — свой «с белым венчиком из роз впереди Иисус Христос». А в это время «обращённые» в новую религию и новую жизнь пролетарии, потерявшие связь с народом, жгли библиотеку в Шахматово. По существу, опираясь на собственную гордыню, интеллигенция того времени пребывала в интеллектуальном аду. А что могут ещё предложить сатанинская гордыня и «плотское мудрование»?

Эта бездна между интеллигенцией и народом всё ширилась и углублялась до момента гибели самой интеллигенции, потерявшей Бога на небе, а питательную почву — на земле, утратив всякую связь с народом-богоносцем.

Лучшая интеллигенция была выслана из России на «философском пароходе»,

¹ О книге Александра Орлова «Кимера». Издательский центр «Азбуковник», 2020, 134 стр.

который отплыл из Одессы в 1922 году, а те из лучших, которые остались, продолжали заниматься научной и интеллектуальной деятельностью, бережно сохраняя под спудом русскую классическую школу, русскую культурную традицию и огромный, но не востребуемый потенциал. Опыт передавался из рук в руки и был штучным товаром. Алексей Фёдорович Лосев (тайный монах Андроник) получил его от Владимира Сергеевича Соловьёва, своего любимого философа и учителя, Семёна Людвиговича Франка, Николая Александровича Бердяева. Алексей Фёдорович, в свою очередь, передал опыт Сергею Сергеевичу Аверенцеву, Станиславу Бемовичу Джимбинову, Азе Алибековне Тахо-Годи и другим. Священник Павел Александрович Флоренский, тоже оказавший огромное влияние на Лосева, мог уплыть на «философском пароходе», но предпочёл остаться в России со своим народом. 1917 год воспринял как апокалипсис, но продолжил духовное служение. Эта энергия познания ещё передавалась настоящим интеллигентам нового времени: Вадим Валерьянович Кожин, Пётр Васильевич Палиевский, Михаил Петрович Лобанов, Юрий Иванович Селезнёв, Михаил Михайлович Бахтин и ныне здравствующие Владимир Андреевич Костров и Александр Петрович Торопцев — яркие представители подлинно русской интеллигенции, заботившейся о народе и хранившей его наследие.

Но была и другая «интеллигенция», о которой говорил М. Д. Скобелев, — западническая, с сознанием космополитизма и либеральных ценностей. Шумная, многочисленная, презирающая свой народ и свою страну, получившая прививку вольнодумства от известных русских эмигрантов Владимира Печерина и Петра Чаадаева.

«Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтожения, и в разрушении отчизны видеть всемирного денницу возрождения!» — писал Печерин ещё в 1835 году. При чтении этих строк на память приходит написанное за несколько лет до этой публикации *«Первое философическое письмо»* Петра Чаадаева, ставшее своего рода *«манифестом русофобии»*, притом не только политической, но скорее *«антропологической»*. *«В чужих краях, особенно на Юге, где люди так одушевлены и выразительны, я столько раз сравнивал лица своих земляков с лицами местных жителей и бывал поражён этой немой наших лиц...»*

... Не поймёт и не заметит

Гордый взор иноплеменный,

Что сквозит и тайно светит

В наготе твоей смиренной... —

ответил Фёдор Иванович Тютчев этим западникам в 1855 году...

Ушла и уходит теперь подлинная интеллигенция духовного аристократизма, но остаётся так называемая «интеллигенция» космополитического толка, взирающая уже глазами евангельского богача на бедного Лазаря, возлагающего на лоне Авраама, и готовая молить о милосердии, догадываясь об «утверждённой великой пропасти» (Лк. 16:19–31) между ней и простым народом. Голос которого — голос Бога...

Я подумал: есть ли народ и интеллигенция в моём городе? И ответил себе отрицательно на этот вопрос. Чиновники — не интеллигенция. За научный мир поручиться не могу, но те люди, с которыми я встречался на своём пути, вызывают у меня сомнение. А среди культурных работников и деятелей искусства я интеллигентов не встречал.

Нет и настоящего русского народа в городе, в котором я живу. Русских традиций жители города не соблюдают, песен русских не поют, обычаи предков не почитают. Можно ли назвать этих поселенцев народом русским? Никак нельзя! Это не народ, а население — без мировоззрения, без нравственных идеалов и убеждений. Общество потребления, над которым трудились последние тридцать лет западные идеологи и крупные трансконтинентальные корпорации, пришедшие завоевать народ через брюхо и развлечения. Только на городском Центральном рынке вижу я по воскресеньям на площади семидесяти-восемидесятилетних мужиков и баб, поющих и немощно пританцовывающих под гармонь и балалайку «Мотанью» и «Страданью». Они помнят ещё деревенскую народную жизнь в трудах и веселии. И эти воскресные встречи радуют их души памятью о той общности народной жизни, которая из городов ушла навсегда. Но какой дивный язык этих остроумных, всегда живых и молодых частушек.

А между тем Михаил Шолохов писал в предисловии к книге «Пословицы русского народа» Владимира Ивановича Даля: «Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта. И, может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристаллически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах», песнях и сказаниях.

Поэт Александр Орлов, родившийся и выросший в Москве, в семье интеллигентов, на мой взгляд, сочетает в себе эти два начала: интеллигента и человека из народа. Отец

поэта, Орлов Владимир Сергеевич, окончил МГУ, исторический факультет. Родная сестра отца и две двоюродные сестры Александра Орлова, дочери Орлова Александра Сергеевича (автора учебника истории Отечества для высшей школы, по которому учились несколько поколений студентов), — тоже выпускники главного вуза страны. Мама поэта была ближе к народу. Она окончила торговый техникум и работала в строительном тресте при посольстве США. Но большую часть жизни была домохозяйкой.

Божьей милостью поэт, в детстве не любил деревню. Когда родители летом вывозили ребёнка на Кимрщину, родину своих предков, он томился и тягучестью деревенского времени, и мизерными формами домишек с тесными и душными, особенно по ночам, светёлками, и неторопливой трудовой жизнью местных жителей. Но внимательный взгляд «художника в юности» замечал осмысленный быт, воплощённый в обыкновенных предметах, которыми пользовались люди, не придавая им поэтического звучания. Поэт шёл к постижению родства со своим родом и с народом русским сначала через чувственное восприятие подростка. Вот первое стихотворение из рассматриваемой нами книги «Кимера».

Кров

Вновь чувствую: исходит от окна
Дух прошлого, и он подслеп и стоек,
И там, внутри бревенчатых построек, —
Иконы, благовестки, ордена...
Там чугунки, наблюдники, скамейки,
Отцов тепло — его хранила печь —
Она мгновенно может нас обжечь —
Там валенки, ушанки, телогрейки.
И запах ладана из красного угла,
Молитвы, что хранили на делянках,
И детские мечты на старых санках,
Одежда, что давно уже мала...
В ряд с кружками встал глиняный горшок,
Во тьме сеней скучают бочки, кадки.
Там жизнь идёт в незыблемом порядке,
И русским отовсюду виден Бог...

Какое русское сердце не отзовётся на эти пронзительные, точные интонации и ритмы поэта Александра Орлова? Через меткие детали быта: «бревенчатые постройки», «иконы, благовестки, ордена», «ушанки», «телогрейки», «отцов тепло — его хранила печь» и «запах ладана из красного угла», — встаёт вековая Россия с устоявшимся *укладом* и *бытом*. Как приземлённо мы воспринимаем сейчас это слово — «*быт*», а между тем оно несёт онтологические смыслы: *быт*, *бытие*, *жизнь*. Есть сущее, и есть существование этого сущего,

которое называется *бытием*. Древнегреческий философ Парменид полагал, что «мыслить и быть есть одно и то же» и что «одно и то же мысль и то, что на мысль устремляется». Поскольку небытия нет — это значит, что его и мыслить нельзя. *Всё, что мыслимо, есть бытие*. Не вдаваясь в богословие, напомним, что всё творение духовно в своих основах. Мы можем его мыслить, именовать, называть словом. Как когда-то его помыслил Творец и оно в Его творческой воле стало веществом мира...

Лирический герой Александра Орлова не познаёт *сущность бытия*, а открывает и изображает само *бытие*. «Поэзия есть изначальное название бытия», — писал Мартин Хайдегер.

Прощальный снег во время зимобора
Уходит осмотрительно и скоро
И забывает мне сказать о том,
Что прошлое в сознание ледяном
Нагонит в полнолуние злобных стуж,
И я увижу сотни русских душ,
И каждая покажется близка,
И времени остывшая река
Заманит в безмянную истругу,
И ангелу, как истинному другу,
Уставший от сражений и погонь,
Я протяну из прошлого ладонь.

Приехав на Смоленщину в тридцатилетнем возрасте с дядями Александром Сергеевичем Орловым и Сергеем Васильевичем Серковым, вспоминали рассказы деда о судьбе своих прадедов. По свидетельству Александра Орлова, внутри него прозвучал щелчок и как будто включилась генетическая память, которая накрыла мощной родовой волной. И он почувствовал нерасторжимую, кровную связь со своими предками, а через неё и со всем русским народом. Изучение истории в Московском институте открытого образования, куда поэт поступил после получения медицинского образования и Литературного института имени Горького, всё расставило на свои места. В личности поэта сформировался зрелый взгляд на исторический процесс, который органично отождествился с жизнью большой семьи своего рода. И теперь, о чём бы ни писал поэт, частное у него прорастает смыслом общего. В этом состоит ценность поэзии Александра Орлова.

Красноречивые детали быта в образной стилистике Александра Орлова, переживание родства и причастность к огромной семье с её традициями и культурой восхитили в поэте такую лексику, которая даёт нам ключи к созерцанию, пониманию и осмыслению русской жизни.

Проплыло солнце вдоль калитки,
Но не зайдёт на чай ко мне
Ни дед, вернувшийся с отсидки,
Ни прадед, павший на войне...

...И, прочитав юдолям строчки,
Найду в безбожный век возврат,
Где в детских снах приходит к дочке
Пропавший без вести солдат.

Память годы полощет,
Превращая в дымок,
В этой яростной мощи
Всей Руси оселок.
Род

Четыре прадеда моих
Живей живых.

Четыре прадеда моих
В снах дождевых.

Четыре прадеда моих
В лучах дневных.

Четыре прадеда моих
В словах мирских.

Четыре прадеда моих
В цветах степных.

Четыре прадеда моих
В лесах глухих.

Четыре прадеда моих
В делах земных.

Четыре прадеда моих
В крестах резных.

Четыре прадеда моих
В мирах иных.

Четыре прадеда моих
Среди былых.

Четыре прадеда моих —
Я возле них.

Четыре прадеда моих
Живей живых.

Через осмысление драмы собственного рода («... один прадед расстрелян по особому решению тройки, а второй застрелился во время ареста... трагическая гибель отца...») Александр Орлов пришёл к осмыслению колоссальной трагедии русского народа в двадцатом веке. В рассматриваемой нами книге «Кимера» особое внимание поэта обращено к теме войны и «ликам» войны. Сравнительно молодой ещё человек, обладающий поразительным чувством сострадания, погружается сам и влечёт за собой читателя в бездны ада войны, чтобы осмыслить её всепрощающим Промыслом Божиим. Так погружался Христос в глубины ада, чтобы вывести из него ветхозаветных праведников. Ибо «мы, собиратели мощей, искатели нетленной плоти, в обратном временном отсчёте по росной

глубине полей идём вослед бессмертной роте», свидетельствует он в одном из стихотворений сборника.

Жизнь от лунного света бледна,
И её не объять, не измерить.
Она словно простора княжна,
Ну а я — её крепкая челядь.
И она показала мне вновь
Расставаньем отточенный коготь,
Мне её в этот раз не растрогать:
Всё не так, сколько ни многословь,
И слова мои — стынущий дёготь.
Знаю я, что закончился вар,
И от старой прикрытой дегтярни
В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни...

Если в предыдущей поэтической книге «Епифань» — стихотворения о местах, откуда происходили родные поэта по отцовской линии, то в книге «Кимера» — стихотворения о родине предков со стороны матери, городе Кимры, расположенном в Тверской губернии, на берегах великой реки Волги при впадении в неё речки Кимрки, — крае древних кривичей.

Поэтому «лики» войны в книге «Кимера» запечатлены в образах удивительных женщин. Это прабабушка поэта, которая:

Через проулки и сады,
Чекистов окрики не слыша,
Спасала образ из беды...

Это пронзительное стихотворение, посвящённое Тамаре Фёдоровне Востриковой:

У Томки в руках похоронка:
— Папочка, папа погиб! —
Запричитала девчонка.
Голос мгновенно охрип.
Села в гружёные санки,
Фото достала отца.
Слёзы в глазах у пацанки
Потяжелее свинца.
Валенки, шапка и ватник,
Мамин пуховый платок,
Девочка, школьница, ратник,
Только замёрзла чуток.
Роет и роет окопы
В десять своих с небольшим.
Гости пришли из Европы —
Юнкерсы, зарево, дым.
И ещё прабабушке:
...Она дитя старороссийской тверди,
Её молитвы словно Божий хлыст,
От них бегут в леса в трясучке черти,
И домовый, и банный, и гэбист.

Она для всех былинная загадка.
Её за строгость любят кержаки.
Она живёт всем бедам вопреки,
Ударница, вдова, старообрядка.

Словно по этим образам Александр Орлов сверяет время и собственную жизнь, на которую они накладывают особую ответственность и дают направление нравственному движению: «К нам в семью он въехал на каталке, мы решили: с Богом проживём! Стало веселее жить втроём, мы же люди сталинской закладки».

Архитектоника книги построена таким образом, что перед читателем проходят образы людей, которых поэт очень хорошо знает. Но после прочтения книги возникает ощущение, что и читатель знает этих людей. И в моём дворе жила «вдовица», потерявшая мужа на фронте. И сиделец по пятьдесят восьмой, и «два лагерных не старых старика», и «сосед, широкоплечий здоровяк», приходивший «братъ взаймы у мамы» три рубля и никогда не возвращавший эти деньги, и «богачка»: «Она дитя войны и раскулачки, ей снятся опера и немчура, и к ней одной, уродливой богачке, идут всё так же в поисках добра». И «Бабы горе» — это стихотворение венчает череду образов русских женщин, овдовевших, но сохранивших нравственные принципы, поднявших детей, разрушенные города и сёла опустевшей страны: «... И встречали меня, говоря о войне, стражи судного дня в солнцеликом огне».

Все характеры живы и исполнены правды жизни, потому что подлинность поэзии определяется понятием художественности. Это качество в поэзии Александра Орлова, бесспорно, есть!

Далее в книге несколько стихов о любви и расставании, о красоте суровой русской природы, и завершается книга образами, которые мы плохо знаем, но очень хорошо знают народ и поэт Александр Орлов — это образы святых людей.

Святой мужик, пасущий вечно скот,
Скажи мне: что в тебе судьбой сокрыто?
Вокруг тебя всегда животных свита,
И каждый двор тебя в деревне ждёт.
Ты с виду пучеглаз, щетинист, хил
И много лет назад примерил старость.
Ты всю округу к Богу проводишь,
Тебя спасают кротость и поджарость.
И кажется, что жизнь моя на две
Разделена, и не стихают встряски,
Подай мне наставления, подкаски,
Мне верится, что мы с тобой в родстве.
Взор пастуха зажётся и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его — Велес или Власий?

Завершение книги вытекает из глубинного созерцания заветных идеалов русского народа, которые сумел разглядеть *интеллигентный* человек и поэт Александр Орлов, ибо его творчество есть служение Отечеству, собиранье и сохранение жизни. В чём же заключаются заветные созерцания русского народа? Францию называли Прекрасной, Англию называли Великой, а Русь называли Святой — не потому, что в ней жили одни *святые*, а потому, что *идеалом Руси был святой человек!*

Ангел кротости

*Святому преподобному Трифону
Вятскому (Чудотворцу)*

Капли пота остались на пижме,
Я устал, перегрелся и взмок.
Все полудни парит солнцепёк.
Преподобный, хоть облачко выжми
На кресты пересохших дорог.
Мы в тяжёлой блуждаем пылице,
Не пускает нас дальше июнь.
Ты на нас хоть тихонечко дунь,
Освежи наших дней пепелице,
Пролети, как над злаками лунь.
Старец Трифон, просить мне неловко:
Перед ним я живу, мельтеша.
Но я чувствую, как не спеша,
Будто бабочка — нежная совка,
К твоей мантии жмётся душа.

Книга «Кимера» — событие в современной русской литературе. Её непреходящая ценность состоит в том, что она выражает подлинную жизнь рода Александра Орлова и в роде поэта, как в частице фридмоне, отразилась жизнь всего народа русского!

Александр Фридман ещё в 1924 году показал возможность существования вселенных, заключённых в сколь угодно малых областях пространства. Эта гипотеза получила развитие в трудах Моисея Маркова, советского физика-теоретика. Он установил, что *фридмоны* (частицы, названные именем автора) могут быть не замкнуты, — то есть возможен переход между «*микровселенной*» (фридмоном) и окружающей её «*макровселенной*». То есть можно рассматривать одни и те же объекты как элементарные частицы и как макросистемы. *Личность поэта*, столь малая и хрупкая, как элементарная частица Фридмана, способна содержать в себе весь опыт, весь космос «*макровселенной*» национальной культуры, который живёт в *личности* естественной растительной жизнью и питает самосознание народа, возвращая его в первоначальное состояние Истины, красоты и добра — в то лоно, в котором родился и вырос поэт, как

вырастает на благодатной почве мощное дерево с раскидистой кроной, в листве которого может укрыться множество птиц. Я уже писал в одной из статей про отсутствие в текстах подлинного поэта эгоистического начала. Это в полной мере можно сказать о поэзии Александра Орлова. Он поднимается на такую высоту в своих созерцаниях, что можно говорить о безличном, почти народном творчестве, критерием подлинности которого выступает само религиозное начало. То есть та единственная Истина, в свете которой можно говорить уже не о силе, а о слабости искусства!

Книгой «Кимера» поэт показал нам, русским литераторам, какой дорогой надо идти, чтобы восстановить подлинные традиции национальной литературы, которая может жить только правдой народной и Истиной Божьей. Александр Орлов поставил перед собой неподъёмную задачу в творчестве — устранить настолько, насколько это возможно, чтобы был слышен голос народа и житьельствовала сама народная жизнь. Без этой почвы невозможно русское искусство. Об этом хорошо знала вся русская классическая литература. Но сейчас расслабленной интеллигенции кажется, что народ в своих вековых традициях умер. Что не существует соборного сознания народа, укоренённого в христианских ценностях, не существует глубинной народной жизни. Они хотели бы, чтобы русский человек потерял самоидентичность, утратил все программы и коды национального сознания. Но мы неуничтожимы, пока есть наш родной язык, которым Александр Орлов блестяще

владеет, есть историческая и родовая память, есть Православие, которое наши предки передали нам в чистоте. Ведь Москва, Петербург и другие города России — это только корабли в необъятном просторе океана провинциальных городков, сёл и деревень, в которых живут живой жизнью забытые русские люди, сохраняя нравственные ценности в самой жизни, а не в риторических рассуждениях о ней. Только в моей области существуют тысячи сто поселений, в которых живут люди. А сколько же таких поселений по всей необъятной России?! А между тем московский бомонд всерьёз рассуждает: а есть ли культурная жизнь за Московской кольцевой дорогой?..

Творчество поэта Александра Орлова — это служение своему народу и Отечеству! Этими высокими критериями мерили своё искусство Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев и другие ревнители русского просвещения. Я не боюсь этих возвышенных слов, когда дело касается борьбы за души человеческие и за национальное сознание!

Россия встаёт в интонациях, ритмах и смыслах поэта Александра Орлова, Россия, которую я помню, которую я знаю и которую я люблю...

Своей свободой и смелостью поэт открывает новые пути в творчестве не только мне, но целому поколению писателей.

...Все знают: скоро постным дням конец,
Андрей и Пётр закинут ловко снасти.
Страстные дни, удачу их не сплязьте! —
Ведь каждый небом призванный ловец
Живёт не по своей, а высшей власти.